

Той ночью Минлань прислуживала у постели пожилой госпожи Шен, помогала обтирать её, вызывать рвоту и выносить нечистоты. Она занималась этим без каких-либо колебаний, старшая служанка Фан плакала рядом с ней, императорский лекарь Линь был очень тронут её поведением. Такое поведение действительно было редкостью — его беспокойство немного улеглось.

Когда императорский лекарь Линь только закончил проверять кухню ночью, он обнаружил, что двое мужчин со свирепой внешностью стоят у дверей в зал Шоу'Ань. Они отвечали так, что напугали его. Во время своей работы императорские лекари могут столкнуться со множеством опасностей со стороны благородных семей. Они всегда должны были быть осторожны, избегать лишних вопросов и не слишком-то много говорили.

Старшая служанка Фан помогла ему сменить одежды и пригласила его в боковую комнату, чтобы немного отдохнуть. Минлань устроилась в кресле с откидной спинкой в комнате пожилой госпожой Шен. Было ещё темно, когда она услышала возню и ссоры возле дома.

— ...Что происходит?.. Ты не зовёшь, и не кричишь, ты смеешь бить людей!.. Господин должен идти в суд!..

Минлань слегка улыбнулась, встала, и позволила Люйчжи переодеть её, а затем, коротко причесалась, в спешке вышла. Той, кто спорил со старшей служанкой Фан, была старшая служанка Цянь, прислуживающая Ван Ши. Когда она увидела Минлань, она тут же произнесла:

— Ой, шестая госпожа, ночью появилось много страшных мужчин...

Минлань махнула рукой и велела ей говорить тише.

— Нет нужды говорить больше, я пойду к главной госпоже и господину вместе с тобой, — сказала она и направилась на выход. Старшая служанка Цянь, оставшаяся позади, поспешно последовала за ней.

По дороге старшая служанка Цянь то и дело поднимала шум.

— ...Главная госпожа очень зла... Сначала она хотела лично расспросить шестую дочь, но отправила меня. Господин попросил меня пригласить вас, чтобы не беспокоить пожилую госпожу...

Минлань молча шла вперёд. Увидев, что выражение её лица было ледяным, старшая служанка

Цянь смущённо захлопнула рот.

Когда они прибыли в главный двор, где жила Ван Ши, Минлань велела ей остаться снаружи и вошла внутрь одна. Как только Ван Ши увидела её, она тут же принялась её ругать.

— Что за нахальная девчонка! Приглашает посторонних в родительский дом, окружает поместье, не позволяет ни войти, ни выйти! Не много ли ты себе позволяешь?! Ты даже бьёшь наших людей!

Шен Хун, одетый в официальные одежды, раздражённо ходил по комнате.

— О чём ты думаешь? Если это распространится, что станет с нашей репутацией в будущем?!

Быть в окружении людей собственной дочери — это действительно анекдот для древних времён.

Минлань на самом деле находила эту ситуацию забавной, независимо от произошедшего, её отец как всегда больше всего беспокоился о своей репутации.

— Папа, не волнуйтесь, я попросила охранников заблокировать все двери изнутри и снаружи, как могут посторонние узнать, что происходит внутри? — улыбнувшись, спросила она.

Шен Хун замер, его мысли прояснились.

— Более того, разве вы, отец, вчера вечером не сказали, что стоит взять выходной?

Шен Хун был повержен своими же словами.

— Господину всё ещё нужно идти с суд! — встав, сердито произнесла Ван Ши.

— Не волнуйтесь, отец, я уже попросила слугу передать, что вы желаете взять сегодня выходной, — сделав несколько шагов внутрь, произнесла Минлань. — Он передаст, что пожилая госпожа Шен серьёзно больна, и что папа так беспокоился, что всю ночь прислуживал ей. Папа всегда был прилежным и никогда не брал выходных без повода. Когда это распространится, люди скажут только, что отец почтителен, чист и добр, что только пойдёт на пользу карьере и репутации.

Шен Хун вытер пот со лба и подумал, что слова его дочери имеют смысл. Правда, пожилая госпожа Шен была сильно больна, и в последнее время не было никаких особенно важных дел в суде. Так почему бы не взять выходной, чтобы показать свою почтительность к старшим в такой ситуации?

Увидев, что Минлань не обращает на неё внимания, Ван Ши ещё больше разошлась.

— Ты посмела запереть нашу семью, что ты пытаешься сделать?!

Шен Хун медленно снял свою официальную шляпу и положил её на стол.

— Объяснись.

— Ничего такого, я сделала это затем, чтобы никто не смог сообщить никому снаружи о том, что происходит в поместье, — Минлань продолжала изящно улыбаться.

— Кто может сообщить? — нахмурившись, спросил Шен Хун.

— Я узнала кое-что, — Минлань перестала улыбаться и посмотрела прямо на Ван Ши.

Сердце Ван Ши пропустило удар, она медленно села, опираясь на край стола.

Шен Хун был с толку и прошептал.

— О чём ты говоришь!.. — не успев договорить, он внезапно понял, на что намекала Минлань.

— Ты имеешь в виду, пожилую госпожу...

Минлань кивнула, сердце Шан Хуна сжалось, он был потрясён. Пошатнувшись, он сел, успокоился и громко произнёс:

— Не говори ерунды!

Минлань указала на стол и Люйчжи тут же положила на него мешочек. Развязав его, она обнажила бело-голубую фарфоровую тарелку-розетку, на которой лежало несколько кусков золотых ароматных пирожных.

Когда Ван Ши увидела это, её лицо побледнело, а Шен Хун указал дрожащим пальцем на тарелку.

— Это... Может быть... мышьяк?! — это был самый ходовой яд на рынке в древние времена.

— Это не мышьяк, — сказала Минлань.

Ван Ши погладила себя по груди, другой рукой вытерла холодный пот со лба и небрежно произнесла.

— Я так и знала, это было очевидно, это просто... — спохватившись, она закрыла рот.

— Что именно? — холодно спросила Минлань. — Главной госпоже, похоже, известны детали.

Шен Хун также был ошеломлён тем, что сказала его жена.

— Минлань... Очевидно, она просто больна... — нерешительно произнесла Ван Ши.

Минлань холодно улыбнулась.

— Это действительно невероятный яд, хоть и не мышьяк. Он смертельно опасен, — холодно улыбнулась Минлань, обращаясь к Шен Хуну. — Отец, ты знал, что бутоны гинкго ядовиты?

— Естественно, нет тех, кто не знал бы этого, — кивнул Шен Хун. — Только невежественные дети могут легко отравиться из-за желания есть всё подряд.

— Кто-то сделал сок из почек гинкго, — сказала Минлань. — Он был очень густым. Затем его влили в начинку этих пирожных. Я спросила старшую служанку Фан, у пожилой госпожи есть привычка есть пару кусочков пирожных, пока они ещё горячие. К счастью, погода в эти дни стоит жаркая, и пожилая госпожа съела лишь один кусочек вместо двух, поэтому она сумела сохранить половину жизни. Если бы она съела два, она была бы уже мертва.

Шен Хун был весь мокрый, холодный пот пропитал его нижнюю рубашку насквозь.

— Самое интересное в этой ситуации то, что вчера эти пирожные принесли люди главной госпожи. Затем в полдень её же люди пришли, чтобы попросить остатки пирожных, сообщив, что моя старшая племянница требовала их. К счастью, старшая служанка Фан увидела, что пожилая госпожа почти ничего не съела, и, подумав, что, проснувшись, она снова захочет поесть, она придержала их на некоторое время. В противном случае отравление прошло бы действительно безупречно, — Минлань посмотрела на лицо Ван Ши и тщательно следила за изменениями. — Человек, который отправлял эти пирожные, действительно очень осторожен.

— Что, по-твоему, это я сделала?! — Ван Ши была в панике, отец и дочь смотрели на неё.

— Разве этот десерт прислала не главная госпожа? Почтительная невестка покупает десерт для своей свекрови. Сколько людей хвалили главную госпожу!

Сердце Шен Хуна наполнилось яростью. Несмотря на присутствие дочери, он сердито воскликнул:

— Что, чёрт возьми, ты наделала?!

— Вы хотите обвинить меня всего лишь с помощью нескольких кусочков десерта? — стиснув зубы, ответила Ван Ши. — Я не знаю, имеют ли слуги вокруг пожилой госпожи злые намерения! Может, это заговор!

— Глупая женщина! Жители зала Шоу'Ань десятилетиями служат ей, зачем бы они захотели её убить?! — отругал Шен Хун.

— Кто знает, может быть, у пожилой госпожи чёрное сердце. Может, она втайне жестоко обращается со своими слугами! — подняв голову, ответила Ван Ши. — Или императорский лекарь Линь ошибся с диагнозом по какой-то причине!

Смотря на её угрюмое лицо, Шен Хун рассердился так сильно, что лишился дара речи. Минлань это не заботило, она улыбнулась и сказала:

— Если дело в этом, вы можете пригласить сюда ещё нескольких императорских лекарей, чтобы они подтвердили, отравлена она или больна.

— Это невозможно! — с тревогой произнёс Шен Хун. — Это семейный скандал! Ты была слишком безрассудна, когда вчера пригласила лекаря Линя! Если пойдут слухи, что станет с нашей семьёй?! В такое время, как мы можем позвать кого-то ещё?! Люди узнают!

Минлань совершенно не была удивлена реакцией отца.

— Не волнуйтесь, отец, императорский лекарь Линь — доверенное лицо моей семьи. Он много знает и умеет молчать. Что касается другого императорского лекаря... Дело в том, что главная жена не хочет доверять императорскому лекарю Линю, — закончив, она развела руками. — Мы должны выяснить правду.

Шен Хун в гневе затопал ногами, снова и снова указывая рукой в сторону Ван Ши.

— Ты!.. Ты всё ещё не признаёшь свою вину!..

— Пожилая госпожа стареет, и она становится всё более и более жадной, — сердце Ван Ши наполнилось злостью. — Она ест что-то с почками гинкго и её здоровье теперь не в порядке, но почему-то обвиняют меня! Теперь эти несколько пирожных испорчены, чтобы обидеть меня! Хотите, чтобы я признала это? Только через мой труп! — подумав немного, она с гордостью добавила. — Подумайте о семье Ван!

Шен Хун почувствовал, как ему становится дурно из-за мыслей о том, что семья Ван сейчас находится рядом.

Минлань прикрыла рот рукавом и рассмеялась, на её глазах выступили слёзы.

— Главная госпожа, боюсь, вы не знаете всего. Если речь идёт о почках гинкго, то потребуется съесть один или два мешка, чтобы потерять сознание. Но сок... — она вытерла слёзы на глазах.

— Главной госпоже не нужно искать смерти. Если главная госпожа думает, что мы с господином несправедливы, мы можем обратиться в суд и попросить правительственного чиновника рассудить нас, верно?

Как только прозвучали эти слова, Шен Хун и Ван Ши были потрясены.

— Ты дрянь! Ты бессовестная! Хочешь навлечь позор на семью Шен! — выругалась Ван Ши.

— Как ты смеешь! — вскочив, закричал Шен Хун.

Минлань остановилась в центре комнаты и равнодушно произнесла:

— Отец, если вы не хотите создавать большую проблему, пожалуйста, поговорите с главной госпожой. Она должна рассказать правду. В противном случае я передам прошение в Юсы Ямень. Если ситуация не будет решена, я буду сопротивляться, используя свою охрану, я сохраню все улики и заберу пожилую госпожу Шен. Я не стану молчать.

Шен Хун был взволнован. Если бы в его доме действительно произошла драка, ему не нужно было бы сообщать об этом соседям — все и так узнали бы об этом.

— Хорошая девочка, ты зла из-за случившегося с бабушкой, я понимаю твои чувства, — принялся уговаривать её он, сменив тон голоса. — Но все мы — одна семья, одной плоти и крови. Зачем нам ссориться? Давайте решим всё за закрытыми дверями. Остановись и как следует проверь всё...

— Одной плоти и крови? — моргнула Минлань. — Если бы отец не сказал этого, я бы и не вспомнила. В этом особняке все люди близкие родственники — все твои дети, и внуки — все они твоя родня. В этом поместье все связаны между собой кровью. Все, кроме пожилой госпожи Шен! — из её глаз полились горячие слёзы, Минлань повторила. — Все, кроме пожилой госпожи Шен! У неё нет никого, кто был связан с ней плотью и кровью. Отец, старший брат, старшие сёстры, я — никто из нас никак не связан с ней! Думая об отравителе, я понимаю, что это было ожидаемо! Бабушка давно разорвала отношения с семьёй своих родителей! Теперь, когда наша семья находится в хорошем положении, зачем заботиться о таких пустяках?!

Шен Хун смотрел на свою дочь, слова которой переходили все границы дозволенного. Размахнувшись, он залепил ей пощёчину. Минлань приняла удар, не вздрогнув, её щёки горели. Она погладила себя по лицу и усмехнулась.

— Господин, прошлой ночью я велела людям оцепить особняк, как вы думаете, почему?

— Если ты решила идти своим путём, подумай о последствиях! — Шен Хун взмахнул рукой.

— Я давным-давно поняла, что для моего отца нет ничего важнее репутации семьи, — Минлань была переполнена гневом и горем. — Ради сохранения лица этот огромный вопрос неизбежно станет тривиальным делом, как и всё, что происходило до этого. Обычно я полагалась на решения господина, но в этот раз я не позволю замять дело!

— Какую способную дочь я породил! — принялся насмехаться Шен Хун. — Настолько непослушную дочь! Мне не нужна такая дочь, как ты!

— Я знаю, что после того, что произойдёт, мой отец больше не захочет меня видеть и знать, — Минлань даже не пыталась сдержать слёз. — Я поссорюсь со старшим братом, мои старшие сёстры будут игнорировать меня, не говоря уже о моих племянниках и старшей невестке. Хоу, вероятно, обвинит меня в невежестве. Ведь я обижу столько людей! В будущем у меня не будет семьи, на которую можно положиться. Сегодня я скажу кое-что чётко и ясно, — она была безжалостна, её голос походил на шипение. — Ради того, чтобы добиться справедливости для моей бабушки, я готова пойти на это! Мой отец, братья, сёстры, и даже безбедная жизнь в богатстве и почёте — ничего этого не было бы, если бы не бабушка! — произнеся это, Минлань с гордостью выпрямилась. — Есть только два пути для разрешения этого дела. Либо главная госпожа всё объясняет, либо я иду в Юсы Ямень бить в барабан и требовать, чтобы они решили этот вопрос!

Шен Хун дрожал от гнева, его руки и ноги были холодными, как лёд. Он с негодованием смотрел на дочь. Теперь дело дошло до подобного, она собиралась стоять до конца. Он развернулся к Ван Ши:

— В подобной ситуации, я должен заботиться о своей репутации. Если ты продолжишь упрямиться, я буду вынужден составить письмо, которое оскорбит семью Ван. Обидеть семью Ван это больше дело, между нами больше не будет никаких контактов с этого момента.

Если это дело удастся замять, то будет хорошо, но как только информация выйдет наружу, это дело сразу станет крупным событием. Он мог потерять должность или даже получить судебный иск.

Ван Ши была напугана.

По её впечатлениям за последние десять лет, Минлань всегда была умницей. Она была благовоспитанной, знающей своё место и скромной, она никогда не ставила никого в неловкое положение, но сегодня она вела себя, как сумасшедшая. Она готова была загрызть её до смерти и отказывалась уступать! Она осмелилась пойти против своего родного отца и говорить такие высокомерные слова!

— Ты! — она указала на Минлань пальцем. — Как ты смеешь... Как ты смеешь не подчиняться старшим?!..

— Когда всё закончится, главная госпожа может пойти и подать на меня в суд за непослушание, — легко ответила Минлань. — Если главная госпожа, конечно, будет в состоянии сделать это.

Ван Ши задыхнулась от гнева и повернулась к Шен Хуну.

— Господин... — взмолилась она.

Шен Хун не собирался заботиться о ней. Он указал на зелёную ширму позади Минлань и произнёс:

— Иди, возьми кисть и чернила. Я немедленно напишу письмо о разводе.

Ван Ши была ошеломлена, она закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Почему у меня такая тяжёлая жизнь? Я столько лет живу в семье Шен...

— Ты — глупая женщина! — повернув к ней голову, усмехнулся Шен Хун. — Даже если бы сейчас не случилось этого скандала — императорский лекарь поставил пожилой госпоже чёткий диагноз. Отравление! Отравленные пирожные, которые ты купила — вон они! Таким образом, эта девушка уже забрала твою жизнь!

У неё были свидетели и вещественные доказательства, пожилая госпожа Шен не общается с посторонними, она взаимодействует только со своей семьёй. Её невестка в очередной раз передала ей десерт, на этот раз отравленный. Они могли с лёгкостью проследить всю цепочку событий и собрать ещё больше доказательств. Если дело действительно дойдёт до суда, за попытку отравления свекрови Ван Ши ожидает смертная казнь.

— Ты почти убила свою свекровь, — добавил он. — Если ты объяснишься, я могу сослать тебя!

Ван Ши была так ошеломлена, что даже перестала плакать. Сбоку раздался вскрик:

— Главная госпожа!

Все повернули головы и увидели домоправительницу Лиу Кун, которая подняла бамбуковую занавеску в боковую комнату и вошла в холл, опустив голову. Она опустилась на колени перед Ван Ши и взмолилась:

— Главная госпожа, пора! Скажите правду! Не упрячьтесь! Господин Бай, ваши дочери... Все они будут замешаны в этом!.. — она подняла голову и уставилась на Ван Ши. — Если об этом деле станет известно, как ваши дочери смогут поднять головы в домах мужей в будущем? А старший молодой господин? У него такая хорошая карьера, и она будет загублена!..

Ван Ши содрогнулась от ужаса. Если с ней со скандалом разведутся или дело станет достоянием общественности в суде, что станет с её детьми...

— Я совсем забыла о старшей служанке Лиу Кун, — усмехнулась Минлань, смотря на неё. — Как ты могла не знать о таком важном деле?

Лиу Кун, всё ещё стоя на коленях, развернулась к Минлань.

— Пожилая госпожа Шен велела мне не позволять тётушке Кан снова приходить в этот дом. Хот я, как рабыня, не имею права говорить, я чувствую, что сегодня я должна нарушить правила и высказаться. Я родом из семьи Ван, я служила госпоже долгие годы. В семье старшей сестры госпожи всё больше и больше проблем, моя госпожа мягкосердечна, она не может вынести издевательств над собой и часто совершает ошибки. Я постоянно уговаривала её прекратить общение с госпожой Кан, но моя госпожа сопротивляется из-за сестринских чувств. Поэтому моя госпожа всегда отсылала меня, когда разговаривала с ней.

— Значит, старшая служанка Лиу ничего об этом не знает? — ноги Минлань ослабли, она подошла к стулу и села.

— Хотя я не знаю, я слышала кое-что подозрительное, и могу догадаться, — ответила та. Она посмотрела на Минлань. — Разве у шестой госпожи нет никаких подозрений? Иначе почему бы шестая госпожа стала просить госпожу сказать правду, а не обвинять её! В противном случае, имея показания императорского лекаря и улики, шестая госпожа уже решила бы этот вопрос! Сейчас не было бы никакого скандала!

Минлань испытала некоторое восхищение.

— Пожилая госпожа Ван отправила вас сюда с добрыми намерениями.

Лиу Кун снова и снова кланялась ей, уважительно продолжая:

— Я не знаю, что сказала тётушка Кан, но я слышала, как она говорила о соке почек гинкго. Она говорила, что он отлично очищает организм. Я служила главной госпоже с детства, я хорошо знаю её темперамент. Хотя она резка и нетерпелива, но она честный человек! Как могла бы она придумать такой злоедейский способ избавиться от человека?

Шен Хун увидел, что выражение лица его дочери сильно изменилась, и решил не спешить с написанием письма о разводе. Он сердито сел. Слушая их, он невольно кивал головой. Ван Ши была необразованной, она знала, что бутоны гинкго ядовиты, но откуда она могла бы узнать, что сок из бутонов можно переработать в густой сок, чтобы он стал ядом? Это должен был быть кто-то, кто мог читать книги, кто-то, у кого была возможность узнать о подобных тонких технологиях. Его разум прояснился, когда он обдумал слова Лиу Кун, он уже знал, кто был настоящим виновником.

Лиу Кун снова повернулась и взяла Ван Ши за руку.

— Главная госпожа, просто скажите это. Это не ради других, это ради ваших собственных детей!..

Ван Ши, наконец, не выдержала и разрыдалась.

— Да... Это всё моя сестра... Она... Она сказала, что стоит убрать её ненадолго, чтобы она помучилась... Я не думала, что это может привести к смерти... Она так часто выговаривала мне и наказывала меня! Теперь даже мои невестки ни во что не ставят меня! Эта жизнь действительно ужасна!.. Но... Я не знала... Не знала... Что всё обернётся так!..

— Значит, сёстры семьи Ван объединились, чтобы отравить пожилую госпожу Шен?! — Шен Хун снова разозлился.

— Нет, нет! — Ван Ши закричала, махая руками. — Она сказала, что она лишь немного ослабеет, и у неё не будет сил заботиться о том, о сём! Я снова смогу нести ответственность за семью... Вы... Я так смущена и растеряна...

— Подумать только! Смущена и растеряна! — сердито ругал Шен Хун. Только что он отчитывал свою дочь, он был так зол, что у него не хватало сил, чтобы думать. Но подсознательно он понимал, что с этим делом что-то не так!

Ван Ши плакала всё сильнее.

— Сестра сказала, что десерт — это ничего серьёзного. Разве императорский лекарь не сказал, что её состояние стабильное? Откуда я могла знать...

— Главная госпожа, вы так запутались! — воскликнула Лиу Кун. — Вы даже не подумали головой! Ведь ваш старший внук воспитывается в покоях пожилой госпожи! Если бы она вдруг дала ему кусок десерта, если бы он захотел попробовать его, чем бы всё это закончилось?!

Ван Ши выпрямилась, её лицо было залито слезами.

— Небеса... Как она посмела?!..

— Это внук главной госпожи, а не тётушки Кан! Разве она может заботиться о нём? Даже если с ним что-то случится, сможет ли главная госпожа пойти против неё и доказать, что в этом виновата она? — Лиу Кун снова и снова качала головой.

Шен Хун думал о более глубоких вещах — после смерти пожилой госпожи Шен семья Ван попыталась бы взять полный контроль над внутренними делами семьи Шен, и тётушка Кан

держалась за их руку. Имея такой компромат, тётушка Кан наверняка стала бы угрожать ему. Будь то люди или деньги, он вынужден будет соглашаться, чтобы сохранить своё положение в обществе, репутацию... Тогда через семью Ван тётушка Кан получит всё, что ей хочется.

Он заскрежетал зубами и сердито воскликнул:

— Эта сука! Я хорошо относился к семье Кан, а она смеет замышлять такое против моей семьи!

Ван Ши обняла руку Лиу Кун и продолжила плакать, Шен Хун похлопал себя по ноге. Он был в ярости. Люйчжи вошла внутрь с чайником чая. Минлань встала и медленно прошла по комнате, размышляя: «Девушка из семьи Кан вошла в императорскую семью наложницей. Семья Ван вернулась. Прямолинейный и могущественный старший сын Чанбай ещё не вернулся. Тётушка Кан думала, что она была в ссоре с Гу Тинъе. Можно ли найти лучшее время?»

Сок почек гинкго не является мышьяковым ядом, его невозможно обнаружить серебряной иглой. Пожилая госпожа Шен едва дышала, её тело было холодным, судороги рук и ног, диарея, рвота... Это было невозможно остановить. Ван Ши почти смогла избавиться от доказательств, только случайность сохранила эти пирожные. Даже если кто-то усомнится в случившемся, пожилая госпожа Шен будет уже мертва, доказательства уничтожены. Даже если что-то пойдёт не так, все обвинения падут на Ван Ши, тётушка Кан сможет привести себя и свои дела в порядок, пока её сестра будет расплачиваться за содеянное. Минлань усмехнулась. Какая порочная и хладнокровная женщина!

Через некоторое время снаружи раздался шум, и все обернулись.

Внутрь вошёл мужчина с отвратительным лицом, он толкал перед собой растрепанную старуху, за ними следовала Сяотао.

— Главная госпожа! — позвала она. — Старшая служанка Йянь только что тайно дала маленькому слуге немного денег и велела ему улизнуть через собачью нору!

— Второй господин Ту, спасибо за тяжёлый труд, — Минлань слегка кивнула мужчине.

Ван Ши, поражённая его внешним видом, затряслась. Шен Хун был в порядке. Он знал, что у его зятя есть много людей, и что этот господин Ту был одним из них. Шен Хун обратился к старшей служанке Цянь, стоящей на полу на коленях:

— Зачем ты хочешь выйти?

Лицо старшей служанки Цянь было перемазано грязью, она плакала.

— Господин!.. Меня обидели!.. В моей семье срочное дело, поэтому я попросила кое-кого

вернуться!..

— Что случилось у тебя дома?

— Моя восьмидесятилетняя мать больна...

— Разве твоя мать уже не умерла? Когда-то давно я даже давала тебе деньги на похороны!

— Да... Это была моя родная мать, у неё было не очень хорошее здоровье... — продолжила изворачиваться старшая служанка Цянь.

— Когда я выходила за чернилами, я видела, как она слонялась здесь, пытаюсь подслушать, — быстро произнесла Люйчжи.

На самом деле, и тёща и невестка из семьи Ван имели эту привычку — им было всё равно, что происходило, если они хотели выйти.

— Сучка! Ты всё ещё лжёшь! — Шен Хун был в ярости.

Старшая служанка Цянь продолжила валяться на полу и уверять, что её несправедливо обидели.

Шен Хун некоторое время не мог говорить. Он беспокоился, что дело просочится, поэтому не осмелился позвать слуг, чтобы применить силу.

— Похоже, мне придётся позаботиться об этом, — нахмурилась Минлань. Она слегка кивнула господину Ту. — Второй господин Ту, прошу вас.

Ту Ху высокомерно улыбнулся.

— Ничего сложного!

Он вошёл внутрь, сорвал с талии потный пояс, сжал подбородок старшей служанки Цянь и, скомкав его, засунул его ей в рот, затем прижал левое колено к её спине, левой рукой сжал её плечо, а правой — ладонь. Минлань не знала, какую силу он приложил, только услышал звук ломающихся костей. Старшая служанка Цянь издала поросычий вопль, но её рот был заткнут, поэтому он вышел не таким уж и громким.

Когда все присмотрелись, то увидели, что мизинец на её правой руке был согнут в странной форме. Основание было отведено назад и почти касалось тыльной стороны ладони, а кончик пальца был отогнут более, чем на девяносто градусов наружу. Ван Ши уставилась на этот

палец, дрожа от испуга. Лиу Кун выглядела так, будто ей стало дурно, лишь у Шен Хуна было спокойное лицо, он ничего не сказал.

Лицо старшей служанки Цянь побагровело от боли. Белки её глаз закатились, она почти потеряла сознание. По телевизору, чтобы привести человека в сознание, обычно лили воду. Как оказалось, горячий чай тоже работал. Старшая служанка Цянь неторопливо открыла глаза, перед ней было лицо Ту Ху.

— Если ты хочешь продолжать нести чушь, я буду делать это снова и снова. У тебя есть целых десять пальцев, — мрачно сказал он.

Старшая служанка Цянь была напугана до смерти, поэтому быстро кивнула.

Ту Ху отпустил её руку, забрал свой пояс и вышел, чтобы снова встать у крыльца за дверь. Ради госпожи Гу Хоу, он не стал делать ничего действительно безжалостного, опасаясь, что если главная госпожа увидит кровь, он, вероятно, этого не переживёт.

— Говори, — равнодушно смотря на старшую служанку Цянь, потребовала Минлань.

— Госпожа Кан дала мне денег и попросила рассказывать ей о делах в поместье, — дрожащим голосом ответила та. — Вчера она дала ещё немного, и сказала сообщить ей, когда пожилая госпожа Шен серьёзно заболит...

— Отец, теперь ты знаешь, почему я окружила поместье, — улыбнувшись, Минлань повернулась к Шен Хуну.

Шен Хун был раздражён. Если бы Минлань не притворилась прошлой ночью послушной дочерью и не уговорила всех уйти спать, а потом не проверила всё, крыса могла бы сбежать из его семьи.

Минлань попросила Ту Ху утащить старшую служанку Цянь, и смотря на постепенно светлеющее небо, пробормотала себе под нос:

— Нужно просто сказать тётушке Кан, что в семье всё спокойно.

Она повернула голову и обратилась к домоправительнице Лиу Кун.

— Старшая служанка Лиу, быстро вставай, боюсь, в этот раз тебе придётся много работать.

— Шестая госпожа, пожалуйста, приказывайте мне, — встав, храбро произнесла Лиу Кун.

— В течении многих лет ты часто отговаривала главную госпожу от ошибок, — Минлань была очень любезна. — Я знаю, что ты очень красноречива. Теперь, когда произошло такое событие, в которое вовлечена главная госпожа, я могу только побеспокоить тебя и попросить посетить поместье Кан. Сходи туда и пригласи тётушку Кан сюда. Потом мы сядем и поговорим. Быть может, всё прояснится.

— Пойти и пригласить тётушку? — Лиу Кун была в замешательстве. В этот момент шестая госпожа наверняка хочет вырвать сердце тётушке Кан, как она может приглашать её, чтобы поговорить?

— Ты должна выглядеть взволнованной, — кивнула Минлань. — Пойди и скажи, что пожилая госпожа боролась за жизнь всю ночь, но беда миновала. Главная госпожа слишком робкая, она переживала всю ночь, и теперь не знает, как ей быть, поэтому отправила тебя, чтобы попросить её прийти и услышать совета. В любом случае, раз уж она посмела подкинуть такую идею и помогла своей младшей сестре набраться смелости, она наверняка захочет помочь ей ещё раз и лично убедиться в том, как всё прошло.

Лиу Кун поняла, что задумала Минлань, её сердце похолодело.

— А если... тётушка не захочет идти?..

— Почему она не захочет прийти? — Минлань многозначительно улыбнулась. — Если она спросит, уведомила ли главная жена остальных членов семьи, ты можешь сказать, что вначале она послала уведомление ей.

Тщательно обдумав это, Лиу Кун поняла, что тётушка Кан действительно придёт.

Старшая служанка Цянь ничего не сообщила ей в письме, если они сделают вид, что дело провалилось, тётушка Кан подумает, что Ван Ши в замешательстве, и теперь боится разоблачения и нуждается в ней. Ей нужно будет прийти, чтобы узнать все новости из первых рук и убедиться в отсутствии доказательств. Или забрать их себе.

Лиу Кун вздохнула, она не знала, что шестая госпожа Шен, ранее отвечающая только тихим голосом, на самом деле была такой властной и могущественной.

— Старшая служанка Лиу, — медленно произнесла Минлань. — Вы знаете, в каких отношениях я нахожусь с бабушкой. Если на этот раз я не смогу добиться справедливости, тогда мне придётся найти кого-то другого, чтобы излить свой гнев. Я слышала, что Цзюэр теперь замужем. Это очень хорошо. У сыновей старшей служанки Лиу также большие перспективы... — она улыбнулась и поправила волосы. — Делай, что хочешь, но она должна быть здесь и ни о чём не подозревать.

— Служанка обязательно пригласит сюда тётушку! — Лиу Кун похолодела и опустилась на колени.

Когда Лиу Кун вышла, Ван Ши, полумёртвая от ужаса, вернулась во внутреннюю комнату.

— Почему ты хочешь дурачить людей? — нахмурившись, спросил Шен Хун. — То, что замешана семья Кан всего лишь теория.

— Если это правда, она подтвердится. Семья Кан... О, нет, семья Ван, готова будет передать нам тётушку Кан и позволить нам тихо разобраться со всем этим? Должны ли мы всю жизнь следить за слугами и дверьми, как за тюрьмой, или действительно пойти в Юсы Ямень и просить о справедливости? — Минлань собственноручно налила чашку чая и подала её отцу. — Держа людей в руках, можно убить или покалечить их, или подать отравленное вино Бай Ли... Поскольку последнее слово остаётся за нами, семья Ван не посмеет подать в суд, — она понизила голос. — Папа, если я смогу, я не хочу разрушать будущее моего старшего брата и портить репутацию семьи Шен.

— Ты хочешь жизни тётушки Кан?! — Шен Хун был в ужасе.

— Не волнуйся, отец, я не причину вам неприятностей. Я выведу её отсюда прежде, чем убить, — ответила Минлань.

Шен Хун долгое время не знал, как реагировать, и просто смотрел на чашку чая.

Как так получилось, что милая и симпатичная дочурка, воспитываемая более десяти лет, вдруг превратилась в женщину-якшу? Она мало того, что не желала слушать своего родного отца, так ещё и принуждала признаться законную мать, применяла пытки и обман, не поморщившись, а теперь ещё говорит, что хочет чьей-то жизни!

— Твоя родная мать рано ушла из жизни, — пробормотал он. — Молань собиралась порезать тебе лицо, в твоём браке множество перипетий, и многие из них непростые... Ты всегда сильно заботилась об общей ситуации и никогда не заботилась о деталях... Почему сейчас...

— Да, — горько улыбнулась Минлань. — Почему же? — она встала и, повернувшись, направилась к выходу. — Отдохни, отец, дочь отправится к бабушке, — сказав это, она вышла.

Шен Хун проводил тонкую спину своей маленькой дочери взглядом. Он вдруг понял, что никогда не знал этого ребёнка.

Сяотао поддерживала Минлань, хлюпая носом.

— Главная госпожа, мы действительно сможем отомстить за старушку?

— Запомни одно предложение: люди в этом мире часто видят, кто лучше других, — устало ответила Минлань. — Отец, главная госпожа, семья Ван, семья Кан, никто из них не осмеливается по-настоящему чем-то жертвовать, но я осмеливаюсь! — немного помолчав, она тихо закончила. — Иногда не месть невозможна, а желание мстить за дорогого человека недостаточно велико. Я боюсь того, и этого, у меня много сомнений, но этого я просто не могу вынести!

— Главная госпожа, вы сдались? — подняв голову, спросила Сяотао.

— Если не будет бабушки, то всё это бессмысленно, — Минлань выглядела очень странно. Это тело изначально не принадлежало ей, поэтому она не чувствовала необходимости благодарить Шен Хуна и Вей Ши за их плодовитость.

— Мы с отцом хорошо поговорили, — войдя во внутреннюю комнату зала Шоу'Ань, произнесла Минлань.

Старшая служанка Фан посмотрела на покраснение и припухлость на лице Минлань, и со слезами на глазах отправилась за лекарством. Всего за полдня пожилая госпожа Шен потеряла большую часть веса, её кожа была сухой, морщинистой и тонкой, она всё ещё спала, но рвота и диарея прекратились. Минлань села на край кровати и медленно положила голову на руку старушки, также, как делала в детстве.

«Спасибо», — подумала она. — «Воспитывая меня, защищая меня, уча меня, заботясь обо мне, ты придавала мне мужества жить в этом ужасном месте, даже когда я была в ужасном состоянии».

Она всегда умела притворяться. Притворяясь равнодушной, она делала вид, что совсем не боится, но на самом деле она ужасно боялась. В этом совершенно незнакомом мире, без заботы и тепла этой старушки, какой она была бы? Пожилая госпожа Шен была подобна твёрдой скале, стоящей за ней, она могла положиться на неё. Независимо от того, когда, где и что произойдёт, она всегда помнила, что если она обернётся, у неё будет безопасное убежище.

— Я их никогда не отпущу, — тихо произнесла она. — Ты не должна так умирать. Бабушка должна дожить до ста лет, и её дети и внуки будут уважать и любить её, и тогда она спокойно умрёт во сне. Ты полжизни была одинока, у тебя нет своих детей, у тебя нет своего дома, поэтому они издеваются над тобой. Но, не волнуйся, у тебя всё ещё есть я, — она неожиданно расплакалась. — Даже если все просто предадут своих родных, я не стану, иначе я зря пришла в этот мир.